

Что значит принять Божью любовь без условий?

Поэзия Миркиной являются тем камертоном, на который сразу настраивается душа, чтобы вернуться в Покой. Речь идет о том покое, в котором, по выражению мудреца, уничтожается наше отдельное «я». Быть спокойным - это всё, что требуется для Постижения Себя. Но часто душа растревожена.

Откуда берётся тревога? Чтó смущает душу?..

Я помню осенний лес, очень сырой. Этот лес, а точнее заброшенный парк, упирался в бетонный причал. Моя детская душа знала, что в лесу произошло что-то страшное. Серые одинаковые осины что-то скрывали. Именно они и поселили в душе тревогу. Причем на долгие годы.

Но есть более простое объяснение и гораздо более мистическое.

Возможно, я гулял по этому парку с родителями и они поругались. Я тогда еще не знал человеческого языка. Я только понимал гудки тепловозов. Тепловозы деловито переговаривались с грузовыми судами и никогда не ругались. Тепловозы никогда не повышали голос. А родители повысили. И я понял, хотя, наверное мне было года три, что меня привели в лес слабые люди. Люди, утратившие покой. И мне тоже предстоит быть слабым. Вот откуда эта тревога. Вот откуда эта растерянность. И потребовалось прожить жизнь, чтобы выйти из того парка...

Теперь я знаю, как я дорог Богу, как Он любит меня, *какой* покой меня связывает с Ним. Откуда я знаю это? Я подружился со своими родителями. Осенний парк больше не пугает меня. Родители развелись, но в своем сердце я их соединил. И сердце снова стало целым. Когда-то *они* мне подарили целое сердце, а теперь я исцеляю *их* сердца. Как? Я принимаю их любовь, не выдвигая встречных условий. Наверное, это звучит странно.

Конечно, я и сам люблю их, но этого мало.

Когда ты позволяешь Богу любить тебя, остаться недолюбленным нельзя, и беспокоиться больше не о чем. Вот как всё просто. Однако тебе нужно научиться принимать Божью любовь, прекрасно зная, что заслужить ее нельзя. Немыслимо! Не существует таких подвигов, которыми можно заслужить столь огромную и бескорыстную любовь, и не существует таких преступлений, которые смогли бы заглушить ее Живой Источник.

Нам нужно научиться принимать то, что нам дается даром. Небо над головой. Осенний лист. А это самое трудное! Нам нужно увидеть Того, Кто дает нам неотмирную любовь... Бог дает ее. Но Бог дает Свою любовь не только через счастье. Бог дает Свою любовь и через неудобных близких людей. Но как раз-таки от неудобных близких мы и не готовы ее принять. Мы начинаем эту любовь критиковать. Мы очень придирчивы. Мы ищем в ней изъяны. Мы в нее просто не верим. А всё, что требуется – это понять, что Бог любит нас через близких, и всегда очень несовершенных близких, не меньше, чем через тех людей, от которых мы хотели бы получать Его любовь. И если

мы позволим *всей* Его любви пролиться на нас, то и своих родных мы увидим совершенно в другом свете. И наша растревоженная душа успокоится.

Как душа, зная, что она бескорыстно любима, может не излить в мир переполняющую ее благу силу? И только в состоянии принятия Божьей любви, и в состоянии принятия любви, исходящей от неудобных близких, ведь всё связано друг с другом, мы растем. И мы вдруг начинаем слышать Жизнь. Ее музыку. Я уверен, что только в этом состоянии стихи Миркиной ложатся в нас, как зерна в добрую почву.

Быть Деревом с дрожащей чуткой кроной,
Быть Древом Жизни рая посреди,
Поднявшимся из Божеской груди
И только в ней одной укоренённым.

Быть Тем, Кто ввысь идет, не отклонясь,
Кто б ни манил и кто бы ни тревожил,
И чувствовать, как нерушима связь
Твоей тончайшей ветки с грудью Божьей.

Быть Деревом, быть плотью, Богом полной,
В чьей тьме густой вдруг просверкнёт звезда,
Быть тем, чьего творящего Безмолвья
Не перебьёт никто и никогда.

Творящее Безмолвье - это такое состояние души, в котором она принимает Любовь без всяких условий. И только поэтому сама стремится отдавать любовь. Если ты станешь отдавать то, что принадлежит тебе, запасы быстро истощатся. Но если ты позволишь пролиться через тебя Божьей любви, то никаких усилий больше не потребуются. Любовь всё сама сделает. Она еще вернет тебе те силы, которые ты по своей слабости посчитал своими. Но что здесь принадлежит нам? Что мы сможем унести с собой?..

Очень часто мы хотим, чтобы нас любили на наших условиях. То есть делали для нас только хорошее. Причем такое хорошее, которое будет нам и полезно, и приятно. Другими словами, мы хотим, чтобы человек, назвавшийся нашим благодетелем, сделал хорошо нам, а не себе. И чтобы, делая нам добро, не лезли в нашу личную жизнь. Вот сколько требований. Принимая любовь от Бога, мы так же поневоле диктуем Ему свои условия. Именно эти требования, эти условия и не позволяют нам принять всю полноту Его заботы о нас...

Если мы откроем двухтомник Мартина Бубера «Хасидские истории», то ни одного раза не встретим на его страницах упоминания о Христе. Конечно, это не удивительно. Хасидизм - религиозное течение в иудаизме. Но это и удивительно, потому что сами хасидские предания проникнуты духом Христа с необычайной силой. Приведу пример.

Ученик спрашивает цадика: «Нам дана заповедь любить ближнего своего, как самого себя. Но как я могу любить его, если он ко мне плохо относится?». И вот что отвечает равви: «Тебе следует понимать эти слова правильно: любить ближнего своего как нечто, что является тобой же. Ибо все души – это одна душа. Каждая душа – это искра, отлетевшая от единой исконной души». Далее цадик говорит, что *единая исконная душа* «целиком присутствует во всех душах точно так же, как твоя душа целиком присутствует во всех членах твоего тела. Твоя душа может ошибиться, и тогда совершает ошибку и твоя рука, причиняя тебе страдание. Но будешь ли ты за это бить и хлестать свою руку, считая, что это она не поняла, что от нее требовалось, тем самым увеличивая свою и без того немалую боль? То же самое – и с твоим ближним, который с тобой – одна душа и который плохо к тебе относится, недостаточно хорошо тебя понимая. Если ты накажешь его за это, то причинишь тем самым боль самому себе»...

В коротком наставлении изложена соль учения хасидов, которое совпадает с сутью учения Христа. Все мы искры «единой исконной души». Все души – одна душа. И наша задача узнать в ближнем и не только в ближнем, но и в очень несовершенном близком человеке искру Вселенского костра. И как бы эта искра к нам плохо не относилась, ее создал свою любовью бессмертный Огонь. И через нее же Бог являет нам свою огромную, превышающую меру нашего понимания любовь. Мы кричим: «Господи, пощади! Слишком много Твоей любви, слишком много. Мне столько не унести!» Но Бог лучше нас знает, что нам по силам, а что нет.

Мы все даны друг другу как учителя. И урок будет усвоен, если я сквозь покровы, сброшенные моими завышенными требованиями на близкого человека, увижу его светящуюся сердцевину. Мой близкий человек, это тот «в чьей тьме густой вдруг просверкнёт звезда». Он – звезда, а не тьма. И все мы – звезды, искры. Мы должны рассеивать тьму глубоким покоем внутреннего огня, а не умножать ее смятением и тревогой наших душ.

Я раньше этого еще не делал, но позволю себе в лекции привести стихотворение, написанное мной. Я понимаю как это ответственно, включать свои стихи в текст, тон которому задет поэзия Миркиной. Но я знаю, что Зинаида Александровна не восприняла бы это как дерзость с моей стороны.

Я прочитаю диптих с эпитафией из Померанца. «Господи, останови мои мысли».

1.

Заполыхал костер осенних красок.
И заблудился я среди осин.
В прожилках золотых багрово-красный
лист кружится. Виток, еще один.

И где бы ни был, что бы я ни делал
жизнь в Божьей длани, не о чем тужить.

И не беда, что время пролетело.
И тоньше, и прочнее стала нить.

Неспешный шаг быстрее приводит к Богу.
Не рассуждай, не думай ни о чем.
Рассеивая праздную тревогу,
лист кружится пронизанный лучом.

2.

Старинное искусство листопада:
невольню уподобиться листу,
следить за ним, не отрывая взгляда,
и перейти незримую черту.

В иных пределах мир окинуть оком:
прозрачный лес и самого себя.
Мне в пору всё, чем стану ненароком.
Я соткан из небесного огня.

Мы - звезды, вечность, осень золотая.
Мы - пламя. Ни прибавить, ни отнять.
Мы - тихий свет, светящаяся тайна.
И нам нельзя об этом забывать.

Только Божья любовь способна изменить нас. И если мы ее отвергаем, то мы отвергаем и важнейшие перемены в нашей жизни. Но отвергнуть совсем мы ее никак не можем. Мы отвергаем Любовь частично. Вот и перемены в нашей жизни происходят только отчасти, а потом всё снова возвращается на круги своя. На адовы круги.

Я сказал, что все мы учителя друг для друга.

Ехал молодой человек на семинар к своему духовному наставнику. Мы с ним разговорились. Пару раз он с недоумением посмотрел в сторону пьяного, который всю ночь не давал нам спать. Может быть, мне это и показалось, но во взгляде молодого человека я прочитал не только сочувствие, но и презрение. И я, неожиданно для себя указав на пьяного, сказал:

- Вот ваш учитель.

Мой собеседник не поверил.

- Почему же тогда к нему не стекаются толпы? – спросил он.

- Как не стекаются! – удивился я. – Нас тут целый вагон.

После этой то ли шутки, то ли нет встал вопрос как отличить истинного учителя от ложного? И как вообще узнать своего наставника?

- Вот Христос. Возьмем Христа, - сказал молодой человек. - Он истинный учитель. Сколько людей его узнало! Очень трудно было Его не узнать.

- Это верно, - согласился я. - Очень трудно было Его не узнать. Но еще труднее было Его узнать.

Молодой человек широко улыбнулся и закивал...

Если кто-то заявляет, что Бога нет, то, скорее всего, он просто не понимает о чем говорит. Или мы не понимаем, что скрывается за его словами. Подобное заявление нелепо, но оно не ужасно. Однако нет ничего страшнее слов: «Я не достоин Божьей, Отцовой любви». Или: «Я недостаточно хорош для Бога». Но разве тебе это решать? Ты недостаточно хорош для того Бога, которого ты себе придумал. Вот такого, придуманного Бога, действительно не существует. Видимо, ты недостаточно хорош для Него, потому что предъявляешь к себе требования, соответствовать которым выше твоих сил. То есть ты нарушаешь некий Закон и должен за это пострадать. Но Божья любовь выше Закона. Нет, на такую любовь ты не согласен, потому что она принижает твое человеческое достоинство. Как к орудию казни и неумолимому судье ты готов к Богу обратиться. Вот условия, на которых ты готов принять Его любовь, понятую тобою абсолютно извращенно. И действовать ты начинаешь извращенно, демонически.

Это прозвучит странно и даже дико, но часто мы действуем демонически в погоне за совершенством. Мы раним себя, чтобы быть совершеннее, мы наказываем себя за наши смертельные недостатки, но на самом деле мы раним Бога. Призыв Христа «Будьте совершенны, как совершенен ваш Небесный Отец» (Мф.5:48) часто понимается неправильно, и погоня за совершенством превращается в состязание с Богом. Будьте целостны, как целостен ваш Небесный Отец. Вот что на самом деле говорит Христос. А это значит примите Его любовь и сами станьте любовью. Не гонитесь за совершенством как *вы* его понимаете, а это значит не требуйте совершенства от несовершенных близких. Но станьте целостны. То есть всё покройте любовью. Той самой, которая долготерпит, милосердствует, не превозносится, не ищет своего, не раздражается. И Христос и апостол Павел призывают нас стать той целостной любовью, которая всему верит, даже когда обманываются ее ожидания, всего надеется, даже когда и надежды нет на то, что близкий станет подлинно родным. Именно эта любовь, любовь к несовершенным всё переносит. Да, «Совершенная любовь изгоняет страх». Вот только мы должны соединить понятие *совершенства* с понятием *целостности*. Именно целостная любовь изгоняет страх. В противном случае мы и от Бога начинаем требовать совершенства во всем, но совершенства на свой, человеческий лад.

Вот так снова и снова мы выставляем Богу условия. Совершенного Бога я приму, несовершенного не приму. И происходит это, потому что мы воспринимаем Бога как *другого*. Об этом мы уже ни раз говорили. У Зинаиды Александровны есть такое стихотворение.

Бог - не другой. Твоя тревога,
Боязнь другого - святотатство,
Когда звучит: "Побойся Бога",
То значит - некого бояться.

Бог не заковывает в цепи
И не разит мечом железным.
Страх Божий - это тайный трепет
Души пред собственной бездной.

Но так же как *Бог – не другой*, так же и наш близкий – это *не другой*, это мы сами, но в ином обличье. Не только твой *ближний* с тобою одна душа, и вы оба искры одного пламени, но и твой *близкий* человек, с которым тебе часто невмоготу, он так же не другой, как и Бог не другой. А вот это уже гораздо труднее принять. И вот здесь мы начинаем диктовать Богу свои условия.

«Ты не другой, Господи, - говорим мы. - Я это знаю. И дальний, который живет за морем, он тоже искра. И ближний, то есть прохожий, идущий мне навстречу, он тоже не другой, это - я, но в другом облике. Кого бы он не исповедовал Христа или Магомета, Будду или Иегову, он – это я. Потому что мы все искры одного костра. А вот мой близкий человек, который называет себя близким, а на самом деле так и не стал им, он, этот человек, это все-таки не я. Ведь в нем собралось всё то, что мне так тяжело переносить. Всегда есть рядом с нами такой *близкий*. «Да, - говорим мы, - он – моя боль, мой крест, но это все-таки не я».

И в близком человеке мы Бога узнать отказываемся. Так не узнают пророка в своем отечестве. «Из Назарета может ли быть что доброе?» сказал Нафанаил, усомнившись в Иисусе. Но и Христос произносит слова, которые мы должны услышать, и услышать глубоким сердцем: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку - домашние его» (Мф. 10:34-37).

Мы часто в быту повторяем эту фразу, с пониманием качая головой: «Враги человеку - домашние его». Да, действительно враги, но враги, которые могут стать друзьями. Не это ли и есть подлинное чудо? И мы должны не только ждать его, но и исподволь готовить. Нам отпущено очень мало сил, еще меньше времени. И все-таки в наших силах с Божьей помощью успеть так называемых «врагов» сделать друзьями. Это самая трудная задача в мире. Она требует от нас немислимого - *принять Божью любовь без условий*. Да, и в таком виде, в облике тяжелого и порою несносного близкого Бог является нам. Он приходит и пытается достучаться до наших сердец своей обжигающей Любовью. И мы можем в совместной молитве с нашим близким, в молитве без слов, и даже далеко находясь друг от друга, войти в состояние Творящего Безмолвья. А если близкий не способен на молитву, то тогда *мы* должны восполнить недостающую в нем тишину. Мы должны безмолвствовать за двоих. Это и есть наша духовная практика. Не нужно себе выписывать духовного учителя из Гималаев, наш учитель ворчит на кухне. Он вечно чем-то недоволен.

Мы каждый день учимся давать время друг другу. Дерево не вырастает сразу. Иногда может и жизни не хватить. Но что поделать?

Наставник американского гуру Рам Дасса говорил: «Худшее наказание - выкидывать кого-то из своего сердца. Сердце тревожить не надо. Даже если

человек делает вам больно, давайте ему любовь. С любовью к Богу вы преодолете все изъязны. Надо каждого любить, как Бога». Но сначала, добавим мы, нужно принять безусловную любовь Бога к нам. Развивая наставление своего учителя, Рам Дасс пишет: «Как искусный садовник, давайте людям пространство для роста по мере их готовности. Как родитель, создавайте для ребенка сад, чтобы он в нем рос, но не заставляйте цветок расти. Возделывайте и удобряйте почву, пропалывайте и увлажняйте ее, и тогда цветок вырастет сам».

Но как же это трудно - ждать! Даже у Григория Соломоновича и Зинаиды Александровны не всегда хватало терпения на нас. Им хотелось, чтобы мы росли быстрее. Хотя они и понимали, понимали лучше нас, что это невозможно. «Боже мой, сокровенный, прости, / Что я руки на миг опустила», - признавалась Зинаида Александровна. Эти великие труженики неустанно возделывали почву для нашего роста. Мудрость и темперамент Миркиной я бы уподобил солнцу, его согревающим лучам, а мудрость и эмоциональную уравновешенность Померанца – дождевой влаге. Они питали и продолжают питать нас. Мы можем считать себя сорняками, но для них мы цветы. Божьи цветы. И они ждут от нас роста.

В день рассиявшийся, весенний
Прорвется лист из почки тесной,
Не говорить о воскресенье
Сегодня надо, а воскреснуть.
Не знать, что было и что будет,
А лишь наполнить светом лица.
Не говорить о Божьем чуде,
А Божьим чудом становиться.

Призыв Миркиной становиться Божьим чудом обращен к каждому из нас.

Почему я все время возвращаюсь к тем близким людям, которые не стали нам родными по духу, и потому так неудобны и так неблагодарны? Да потому что нет для нашей веры испытания серьезней. Как тут не вспомнить слова Антония Блума. «Одна моя прихожанка пришла и говорит: «Знаете, отец Антоний, не выношу Екатерину Сергеевну, сбудьте ее из прихода, я не могу ее больше терпеть!» Я говорю: «Знаете что, Ирина, вы должны терпеть Екатерину Сергеевну, я должен терпеть ее и вас, а Бог должен терпеть всех троих...».

По сути, люди родные нам по крови - это все мы, жители Земли. У нас один предок – Адам. Мы все состоим в непостижимом кровном родстве. Но наша задача стать родными по духу. Или - родными в Духе. И мы не можем никого никуда сбить. Мы все составляем Бога, Который, конечно же больше всех наших представлений о Нем.

Бабушку моей жены звали Саррой, а отца Сарры - Абрамом. Абрам был ювелиром, и он подарил дочери на восемнадцатилетие сережки. А Сарра Абрамовна была комсомолкой, и она спустила золотые сережки в унитаз. Так

молодежь боролась с мещанством. Но это цветочки, потому что три старших дочери Абрама вышли замуж за русских, и он проклял дочерей. Вот каким тугим бывает родственный узел. Вот сколько тут всего намешано. И вот как тяжело дается прощение и принятие самых близких.

Легче простить врага. Один раввин, эмигрировавший из Европы, сделал поразительное заявление. «Прежде, чем ступить на берег Америки, я должен был простить Адольфа Гитлера, - сказал он. - Я не хотел тащить его в себе в новую страну». Но сумел ли этот раввин простить свою невестку, своего сына, свою сестру. Или другого раввина. Об этом история всегда умалчивает. Подобное никогда не приравнивается к подвигу. А ведь это и есть подвиг веры. Принять несовершенство и покрыть его любовью – это подвиг без героя.

Мы все несовершенны. Даже у святых есть свои непрожитости, то, с чем они не смогли справиться, но от этого они не перестают быть святыми.

Известно, что чем больше сосуд, с которым искатель истины пришел к Учителю, тем больше мудрости искатель унесет. Если ты пришел с кружкой, не надейся, что в ней окажется больше мудрости, чем она вместит. Если ты пришел с сердцем огромным, как океан, вместитшь океан. Но с кружкой связана еще одна проблема. Тебе покажется, что твою кружку наставник наполнил не доверху. И ты будешь о мудрости судить не по тому, сколько ты получил, а по тому, сколько тебе не додали. И ты невольно наведешь тень на мудреца. Тот, кто принес Учителю сердце и вместил в него Океан, не станет искать пятен на святости учителя. А в дальнейшем, хотя это и гораздо труднее, он не станет сосредотачиваться на изъянах своих близких...

Мои родители приближаются к восьмидесятилетнему рубежу.

Я делюсь своими переживаниями и размышлениями с мамой. Читаю ей стихи Миркиной.

- Спасибо, спасибо тебе, сынок! – плачет она.

Как-то я спросил ее:

- За что ты меня благодаришь? Ведь это так естественно.

- За что благодарю? – глубоко задумалась мама и вдруг нашлась: - За то, что не даешь утонуть в стариковстве.

Я делюсь своими размышлениями и переживаниями с отцом. Разговор получается всегда, примерно, один и тот же – опыт отца не совпадает с моим.

- Если уж я ненавижу кого-то, - говорит отец, - то я могу чисто философски понять, что бывает всё, конечно. Он гад, он нечисть и всё такое, но путь живет, бог с ним. - Помедлив, отец добавляет: - Но любить я его точно не буду.

- Видишь, речь тут идет о том, чтобы не его любить, - подбираю я слова. - Его любить тебя никто не заставляет, это и невозможно, и ненужно. Речь идет о том, чтобы нам научиться любить Бога в этом человеке, а не его. Его полюбить пока для нас невозможно, но Бога любить в нем мы можем. То есть в нем есть что-то такое светлое, что он сам зачеркнуть не может. Даже если он захочет, он не сможет этого.

- Но вот ты сразу раз и перешагнул эту черту, - мягко перебивает меня отец. - Ты сразу взял тему в свои руки, и выскочил из этой ситуации.

- А может, это так и происходит? - подхватываю я. - Нужно же выходить из этого. Это же тупик. Только таким движением, через Бога и можно выйти.

Но тогда отец приводит еще какой-нибудь аргумент, и между нами остается тонкая стена. Отец любит меня, поддерживает, но признается, что не может разделить до конца то, чем я живу. Однако я от него этого и не требую. Я благодарен за то малое, хотя вовсе и не малое, которое становится огромным, если научиться дорожить им и беречь его...

Бог, принятый до конца, принятый как Любовь, это единственное условие роста нашей души. Я часто обращаюсь к австрийскому психологу и философу Виктору Франклу. Он прошел через четыре лагеря смерти, и не просто выжил, а обрел смысл жизни. Франкла окружали только страдания и боль, бессилие и отчаяние, но он увидел всё в свете любви Бога. Он понял, что Творец не случайно поместил его в лагерьный барак, и что для его души это наилучшее место. Он просто осознал, что иначе душа не вырастет в полную меру. Будь ему хотя бы немного легче, и душа останется инфантильным недоразвитком. И когда он понял это, принял это, он начал по-другому ко всему относиться. Он стал реагировать на всё со спокойствием и любовью. То есть он остался проводником той любви, которая может исходить только от Бога. И все это почувствовали. И заключенные, и охрана, и командование лагеря. Все учуяли запах безграничной внутренней силы. Той силы, которая исконно присуща человеческой душе. В царстве несвободы Франкл получил возможность заботиться в качестве врача о своих товарищах по несчастью и учил живым примером перековывать страдания в присутствие Духа и в Божью любовь.

О Франкле говорится, что он находился на одной волне с христианством, но религиозным человеком в общепринятом смысле никогда не был. Вот уж действительно, пути Господни неисповедимы.

Даже когда нас рвут когтями наши мучители, Бог с нами, и Он любит нас. Но сами себя терзать понапрасну мы не должны. Говорить, например, что мы недостойны Божьей любви. Если мы себя будем мучить, раздирая свои раны, то и Бога будем раздирать. Когда мы ненавидим наших мучителей или самих себя, мы и Богу говорим «нет». Мы отказываемся вместить Его.

В одном из стихотворений Миркина почти как Иов обращается ко Всевышнему.

I

Я попрошу помочь – Ты не поможешь.
Я воззову к Тебе – Ты не вонмёшь.
Ты милосерд и добр? О, Боже, Боже!
Всё это утешительная ложь.

И всё-таки всю жизнь к Тебе взываю,
Сквозь все напасти веря и любя.
Ты дал мне эту красоту без края
И бездну в сердце, чтоб вместить Тебя.

II

Да, Ты всего, о чём я мыслю, выше.
Да, Ты ни с кем из мыслимых не схож.
Да, Ты мой зов пронзительный не слышишь
– Ты Сам меня всю жизнь мою зовёшь.

Поистине это чудо, когда мы способны перенести фокус внимания с самих себя на Бога. И услышать Его зов. Или с самих себя - на ближнего, на близкого человека, который нас всю жизнь зовет, а мы его не слышим.

Зовет нас и Зинаида Александровна. Призывает жить полным сердцем. И жить не в мечтах, а на Земле. И не о Боге говорить, а с – Богом. Это и значит жить на Земле. Это и значит Жить. Виктор Франкл не был членом церкви, но он был христовым. Принять Божью любовь и ничего не попросить взамен, например, здоровья, благополучия, успеха, это и значит исповедовать Христа. Принять Божью любовь до конца – это значит ничего не попросить для *себя*. Нет никакого отдельного от всех меня. «Я как волна исчезну, я как Океан не рожден и не умру», - повторил Померанц за индийскими мудрецами. И не только повторил, но и, скажем так, осуществил бессмертие на практике. Осознать себя Океаном это и значит расстаться с мыслями о смерти. Ведь смерть это состояние отделённости от Жизни. И больше ничего. Когда же мы исчезаем в качестве волны, это не смерть – это возвращение к Отцу. Зинаида Александровна написала.

Мне Богом дух непостижимый дан,
Входящий в мир сквозь смерть и через рану.
Меня не будет - будет океан.
Меня не будет - буду океаном.

Океан любит все свои волны. Он их любит, порождая их, узнавая Себя в них, и мягко погружая их в свои животворные глубины. Не стоит называть смертью погружение в океаническую глубину. Исчезает волна, но не Океан, которым все мы являемся. Все до одного. Принять Божью любовь без условий, это и значит стать волной, которая осознала себя Океаном.

Наша сокровенная глубина никогда не объявляла нам войны. Ядро ореха не враждебно своей скорлупе. Скорлупа и важна, и нужна. Но, выполнив свою работу, скорлупа должна лопнуть и рассыпаться. И разрушает скорлупу безграничная Божья любовь. Так что Его любовь не только бережет нас, но и сметает то, что отжило, то что стесняет высшее творчество Жизни. И по мере того, как мы переносим свое внимание со скорлупы на ядро, нам открывается Господень замысел.

Меня не будет - будет океан.
Меня не будет - буду океаном.

23 октября, 2019